
Николай Подосокорский

Громадная тень корсиканского гения

*Наполеоновский миф в романе Булата Окуджавы
«Свидание с Бонапартом»*

Применительно к роману «Свидание с Бонапартом» (1983, журнал «Дружба народов» № 7—9, отдельное издание — 1985), который сам Булат Окуджава неоднократно называл своей лучшей книгой, критики нередко говорили о его *недооцененности* или о *несправедливости к нему судьбы*. Роман-размышление об изнанке войны и патриотизма вышел в самое мрачное и беспросветное время советского «застоя», а когда внезапно начались перестройка и политика гласности, всем стало не до тонкой интеллигентской рефлексии, облеченной в одежды начала XIX столетия, поскольку всё внимание захватили современность и опыт тоталитарного XX века.

Не повезло и выставке Государственного литературного музея «Свидание с Бонапартом», на проведение которой было получено благословение автора романа на его юбилейном вечере в Литературном музее в 1994 году. Как пишет Генриетта Медынцева: «В последний момент произошла малопонятная вещь, неслыханная в музейной практике: полностью подготовленная и даже аннотированная выставка, с готовым экспозиционным и художественным решением, была отменена на стадии монтажа. Воистину музейное Ватерлоо»¹.

Этот роман Окуджавы часто называют историческим. Действительно, известно, что герои «Свидания с Бонапартом» имеют реальных прототипов, а текст опирается на исторические документы вроде «Предсмертного завещания русского атеиста» ярославского дворянина Ивана Опочинина или записок французской актрисы Луизы Фюзи².

В произведении вообще содержится довольно много отсылок к самым разным историческим трудам и мемуарам, посвященным эпохе наполеоновских войн и царствования Александра I (удивительно, что до сих пор не существует ни одного издания романа с соответствующим историко-литературным комментарием!).

¹ *Медынцева Г.Л.* Проект выставки Государственного Литературного музея «Свидание с Бонапартом. Феномен Наполеона в русской культуре» // Наполеон. Легенда и реальность: Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996—1998 / Сост. А.А. Васильев, Г.Л. Медынцева. Ред. В.В. Савицкий. М.: Минувшее, 2003. С. 365—374.

² *Бойко С.С.* Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. С. 340—368.

Вместе с тем правильнее было бы назвать роман историософским, историко-психологическим или даже просто гуманистическим, ибо в центре истории для Окуджавы стоят не столько деяния царей и полководцев, интересы государства или события национального значения, сколько отдельный «маленький» человек, с его личными слабостями, причудами, потаёнными страхами, представлениями о счастье, сомнениями и надеждами. Как поясняет «бедный господин» Мендер, убежденный в том, что войска Бонапарта вторгаются в разные страны исключительно ради преследования его персоны якобы в отместку за то, что он сам некогда успел повоевать в Италии: «Я много размышлял над хитросплетениями судеб. Я смог наконец проникнуть в тайны человеческих связей, и я понял, что даже случайный жест безвестного обывателя слит с историей всего человечества»¹. В этом смысле роман «Свидание с Бонапартом» гораздо более близок не столько таким традиционным историческим романам о войне 1812 года, как «Рославлёв, или русские в 1812 году» (1830) М.Н. Загоскина, «Пётр Иванович Выжигин» (1831) Ф.В. Булгарина, «Леонид, или Некоторые черты из жизни Наполеона» (1832) Р.М. Зотова и др., сколько гораздо более сложным и глубоким высокохудожественным произведениям Ф.М. Достоевского, пронизанным наполеоновским мифом².

Безусловно, всю проблематику сложнее устроенного романа Окуджавы никак нельзя сводить только к образу Наполеона Бонапарта, но уже само название произведения объективно акцентирует читательское внимание именно на этой легендарной фигуре как на основополагающей и стержневой. Собственно, роман и начинается со слов о Наполеоне, который практически стоит на пороге дома некогда спасенного им отставного русского генерала Николая Опочинина: «...Если Бонапарт будет идти так, а он будет идти так, то через три, от силы четыре недели достигнет порога моего дома. Когда он явится (а миновать Липеньки он не сможет), я буду кормить его обедом в большой зале. Предвкушаю сладость свидания!». Это смещение точки зрения на великие исторические события с *всемирного* и *национального* уровня до уровня *личного* и *домашнего* весьма характерно для Окуджавы. Грандиозный Московский поход Великой армии императора французов герой писателя сниженно называет «прогулкой»: «Впрочем, что это все нынче в сравнении с кровавой прогулкой, затеянной Бонапартом?.. Корсиканский гений шагает по августовской России не разуваясь, не снимая треуголки³, в напрасном ожидании битвы. На фоне пылающего Смоленска, издалека видная, колеблется его громадная тень».

Можно сказать, что «Свидание с Бонапартом» является своего рода квинтэссенцией наполеоновского мифа в русской литературе XIX—XX веков, и, кажется, после неё столь же значительных художественных произведений на эту тему в России больше не появлялось. У Окуджавы наполеоновский миф раскрыт в самых разных аспектах, и автор ведет многоплановый диалог со своими предшественниками, творцами золотой и черной наполеоновской легенды: от Карамзина времен первых выпусков «Вестника Европы», через которые в русское сознание во многом проник

¹ Здесь и далее цит. по: *Окуджава Б.Ш.* Свидание с Бонапартом: Роман. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 496 с.

² О наполеоновском мифе в творчестве Достоевского см.: *Подосокорский Н.Н.* Наполеон и 1812 год в творчестве Ф.М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / Отв. ред. В.И. Щербаков. — М.: ИМЛИ, 2013. С. 319—364; *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. — Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71—135.

³ Слова о «треуголке» Наполеона — дань Окуджавы известным поэтическим описаниям французского императора (ср. со стихотворением Лермонтова «Воздушный корабль» (1840): «Из гроба тогда император,/ Очнувшись, является вдруг;/ На нем треугольная шляпа/ И серый походный сюртук»). На самом деле Наполеон носил не треугольную, а двуугольную шляпу (bicorne). Треуголки практически вышли из обихода уже в конце XVIII столетия.

начальный вариант наполеоновского мифа (в нем первый консул Французской республики Бонапарт описывался, в первую очередь, как выдающийся государственный деятель), до Пушкина, Гоголя, Толстого, Алданова и др.

Например, четырежды повторенное обращение Тимофея Игнатьева к своему дедушке «Скажи-ка, дядя...» на фоне разговоров о Бонапарте, несомненно, отсылает к началу знаменитого лермонтовского стихотворения «Бородино» (1837), в котором участник войны 1812 года, живописуя ожесточенную баталию, также сокрушается не о судьбе государства, но о «плохой доле», доставшейся людям того времени.

В целом роман Окуджавы не столько антибонапартистский (Бонапарт ни разу не назван в произведении *антихристом* или *врагом рода человеческого*, хотя на создание такого наполеоновского образа работала вся церковная пропаганда военных лет)¹, сколько *антимилитаристский*. «...Никто еще до сего дня не смог доказать, что бряцание кованой сталью и реки крови могут осчастливить людей и принести им долгожданное успокоение», — восклицает Варвара Волкова. Ей вторит ее возлюбленный Александр Свечин: «Разрушить легко, но как *быть* потом? Все знают, как разрушить, как пустить кровь, как вздернуть, как захватить, как покорить... Но как сделать меня счастливым, не знает никто».

Поскольку роман разбит на четыре части, в двух из которых основными рассказчиками являются женщины, можно заметить, насколько для автора был важен *женский* взгляд на войну и гений Наполеона, отличающийся от *мужского* тем, что он напрочь лишен восхваления сильных мира сего и кровавых побед, одержанных даже *своими* над *врагом*. Впрочем, женщины у Окуджавы, как и героини-мужчины, так же носят в себе наполеоновский вирус. Характерно в этом смысле описание Варвары Волковой как *завоевательницы*, сравниваемой с «завоевателями былых времен» наподобие Марьи Москалёвой из «Дядюшкиного сна» Достоевского².

Произведение Окуджавы всё строится на парадоксах и антиномиях, когда одни и те же вещи одновременно влекут, притягивают и отталкивают, вызывают отвращение у героев. Оценка одних и тех же событий и людей гиперподвижна, находится в постоянном изменении, а размышления о войне, свободе, равенстве, общественном устройстве или Бонапарте скорее ставят всё новые и новые вопросы, а не дают на них четкие и безусловные ответы.

Само название романа, с одной стороны, говорит об определенной симпатии к Наполеону, поскольку речь в нем идет все-таки о *свидании*, а не просто о встрече, и тем более не о стычке, споре или противоборстве. С другой стороны, то, что французский полководец назван именно Бонапартом, а не Наполеоном, демонстрирует явное понижение его статуса. Известно, что на острове Святой Елены английский губернатор Гудсон Лоу демонстративно отказывался именовать ссыльного императора *Наполеоном*, называя его не иначе как «генералом Бонапартом»³.

Возможно, дело еще и в том, что как *генерал* Бонапарт был равен Николаю Опочинину, так же генералу, и вполне мог принять приглашение последнего вместе отобедать (а весь роман изобилует рассуждениями о равенстве людей в правах: «У нас нынче в России все генералы, представь себе»).

Свидание с Бонапартом — это прежде всего встреча героев со своим внутренним Наполеоном, который всё вместе: гений и злодей, завоеватель и освободитель, спаситель и кровопийца, великий государственный деятель и узурпатор. Размышления

¹ Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. — М.: Кучково поле, 2007. С. 68—80.

² См.: Подосокорский Н.Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф.М. Достоевского // «Вопросы литературы», 2011. № 6. С. 350—362.

³ Тарле Е.В. Наполеон // Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. Т. 7. / Ред. тома М.В. Нечкина. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 371.

о Наполеоне для героев Окуджавы являются актом самопознания, заставляют их больше рассказывать о себе и раскрывать свои представления о мироустройстве, идеальных и недопустимых отношениях между людьми, смысле истории и границах дозволенного для человека вообще. Бонапарт в романе не столько живой человек (хотя как реальная личность он все же появляется в ряде сцен, но его конкретные черты при этом почти стерты), сколько фон, призрак, мечта, навязчивая идея, мучительный сон (недаром русский генерал, который был им изувечен, но затем спасен, и лелеял мысль об убийстве Наполеона, носит фамилию Опочинин — от *опочинуть* или *опочить*, спать, отойти ко сну). Мистики и метафизики в этом произведении, на первый взгляд, почти нет, но призраки убитых людей вполне способны ожить в сознании героев и напомнить им о постигшей их печальной участи. И это не единственный элемент чудесного в произведении.

Генерал Опочинин в полном соответствии с настроениями начала XIX века испытывает к Наполеону противоречивые чувства: он и восхищается им (Бонапарт в его представлении способен сговориться с самим Богом) и отчаянно ненавидит его. Столь же противоречива в глазах окружающих и его затея с особым угощением для французов. «И вот белые губы молвы разносят, что лазутчики Багратиона спасли Россию в тот самый момент, когда старый безумец Опочинин потчевал Бонапарта обедом и расточал хвалу французам? Князь Пётр решит, что это лазутчики Барклая, Барклай же припишет всё ловкости Дохтурова, Бенигсен доложит государю и присовокупит, что это выглядит как кара Господня, ибо старый безумец Опочинин в этот момент кормил и поил узурпаторов и расточал им дифирамбы...».

Себя Опочинин называет не иначе как «восхищенным» и «старательным учеником» Бонапарта, а его самого — своим «великим учителем»: «Это ли не благородство — усадить великого учителя на самое почетное место и изысканным жестом пригласить и остальных занять подобающие их славе места?». Бонапарт для него, помимо прочего, символ всеобщего равенства: «Он гений не только в баталиях. Пусть там открытия в стратегии, здравый смысл и полет воображения, внезапность и точный расчет, и предвидение, и предошущение, и риск... Пусть так. Но старый солдат орет на него, требуя крестик за кровь, крестик, прости Господи, орет, *распалая честолобие, то самое, императорское, которое и у него в душе <...>*, и меж ним и императором, меж низшим и высшим возникают незримые узы, свитые из общей их славы».

О том же говорит и плененный француз Пасторэ: «Я обожал его, <...> теперь я ему верно служу. Раньше все, что он делал, он делал для Франции, теперь — для себя. Он и теперь кумир для войска, но прежде! В прежние времена за одну его улыбку шли на смерть. Его приказ звучал как глас судьбы, гибель по его слову, ради него почиталась за добродетель, жажда славы мучила нас, собачья преданность ничто в сравнении с тем, что распирало наши сердца... Стариков осталось немного, но еще есть “ворчуны”. Он брал солдата за мочку уха и говорил: “Ах, старый друг, ты был великолепен в атаке!” И это было как орден. И солдат не сомневался, что император в течение боя наблюдал только за ним, и у вояки кружилась голова...».

Вместе с тем на частые слова восхищения военным и политическим гением Наполеона в романе приходится столь же много уничижительных его характеристик: «враг Наполеошка», «безумец, паршивый корсиканец», «мифический император-злодей» и проч. Даже солдаты Великой армии, вторгшиеся в Россию, презрительно именуются «наполеонами». Как говорит помещице Варваре Волковой крепостной Игнат: «Дозволь, матушка, мы вот вчетвером на дорогу ходим, какого-никакого отсталого наполеона приволокём, ты его допросишь, и казним».

Отдельного внимания заслуживает увечье генерала Опочинина — в кампанию 1805 года он лишился ноги, которую ему заменили деревянным протезом, и сам он связывал с этим несчастьем наступление совершенно нового этапа своей жизни.

«...Бонапарт наградил меня деревянной ногой, а Игнатъева в тот же день — вечным покоем. Сонечка сохла, сохла, и мы с Тимошей остались вдвоем». Своему внучатому племяннику Тимоше (Титусу) он рассказывает байки не хуже лермонтовского бородинского «дяди»: «Я бил Наполеона под Диренштейном, он бил меня под Тельницею, я преследовал его у Блазовица, а затем бежал от него в обратном направлении. Где-то там оставлена моя нога, и женщина, которую я любил, отвергла меня — ей не нужен был герой на деревянной ноге...»

Образ героя наполеоновских войн «на деревянной ноге» является хрестоматийным и составляет заметную линию в литературе. Здесь вспоминается герой «Мёртвых душ» Гоголя — Павел Иванович Чичиков, который, согласно предположениям чиновников города N., одновременно и капитан Копейкин, потерявший руку и ногу в одной из битв с наполеоновской армией — «под Красным ли или под Лейпцигом», и «переодетый Наполеон». Или герой сатирической «Истории неустрашимого капитана Кастаньетта» (1862) Эрнеста Катреля, участник почти всех наполеоновских кампаний, терявший в каждой из них какую-то часть своего тела и последовательно заменявший ее на очередной протез (помимо деревянных ног, он имел также кожаный желудок, серебряное лицо и т.д.). Нельзя не вспомнить и о романе Достоевского «Идиот», где другой отставной генерал (и тоже большой выдумщик) Ардалион Иволгин сочиняет собственную легенду о своем свидании с Наполеоном в 1812 году, настаивая на том, что он служил у императора французов камер-пажом и даже стал его другом. В романе Окуджавы о подобных генеральских фантазиях говорится так: «Ах, генерал, какой нелепый вздор рождается в твоей башке военной!..» В ответ на историю Иволгина его приятель-собутыльник Лебедев сочинил не менее фантастический рассказ о том, как в 1812 году один «французский шассёр навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы; что он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище...»¹.

Подчеркнутая *одноногость* тут не только является трагическим следствием войны, массово производящей из здоровых мужчин инвалидов, но и указывает на возможность освободиться от магнетизма личности Наполеона. Ведь как замечал в «Евгении Онегине» Пушкин:

...Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

Окуджава, по всей видимости, держал эти строки в уме при написании своего романа, так как в самом его начале генерал Опочинин сетует на самоуверенных глупцов и невежд, с которыми лучше не спорить, ибо для них вы «есть ноль».

Еще одним важным источником творческого вдохновения писателя были письма, которые в год нашествия Наполеона на Россию писала фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны и Марии Фёдоровны — Мария Волкова — своей петербургской подруге и родственнице Варваре Ланской. Собственно, Окуджава в свойственной ему ироничной манере соединил в своем произведении имена двух корреспонденток, назвав свою героиню Варварой Волковой.

Ее исторический прототип — Мария Аполлоновна Волкова (1786—1859) была старшей дочерью тайного советника, генерал-поручика Аполлона Волкова и Маргариты Кошелёвой. По линии Кошелёвых она состояла в родстве со старшей

¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990. Т. 8, с. 411.

московской знатю. Родилась и выросла в Москве в родительском доме на Малой Никитской. В 1812 году была пожалована во фрейлины двора. Узнав о нашествии Наполеона, Волковы в целях сохранности перевезли все ценное из подмосковного имения в Клинском уезде в свой московский дом, где всё это и погибло вместе с домом в пожаре. Сама Мария Аполлоновна вместе с матерью при приближении французов выехала в Тамбов. В 1813 году они вернулись в разорённую Москву. Известно, что она состояла в дружеских отношениях с Вяземским, В.Л. Пушкиным, супругами Берсами и братьями Виельгорскими и др.

Материалы ее переписки были использованы Львом Толстым при создании романа «Война и мир» (1865–1869). Их частичная публикация состоялась в 1872 году в журнале «Русский архив» под заглавием «Частные письма 1812 года». Полный корпус писем, в переводе М.П. Свистуновой, который, помимо писем самой Марии, содержал и ряд других посланий, обращенных к ее матери, впервые увидел свет в «Вестнике Европы» под заглавием «Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской» (1874, № 8, 9, 10 и 12; 1875, № 1, 2 и 8). В последующие десятилетия переписка неоднократно переиздавалась, — как в полном объёме, так и фрагментарно.

Окуджаву не только использовал в своем романе эти письма, как и ранее Толстой, но и обыграл некоторые детали биографии Волковой. Так, родной брат Марии Волковой Николай, дослужившийся до чина действительного статского советника, соответствовавшего чину генерал-майора в армии, в войну 1812 года и в заграничных походах русской армии служил адъютантом при генерале Эммануиле Сен-При (1776—1814), с которым по сюжету «Свидания с Бонапартом» ранее вместе служил и генерал Николай Опочинин. В письме к Варваре Ланской от 24 июня 1812 года Мария Волкова отмечает: «Предстоящая война причиняет мне много беспокойств. Нынче писали к Сен-При, прося его взять к себе брата моего Николая в адъютанты. С минуты моего приезда сюда я не слышу другого разговора, как о войне»¹.

Николай Опочинин называет графа Сен-При «боевым товарищем, отменным командиром и добрым человеком»; замечает, что тот — «российский дворянин, пусть не по рождению, а по душе»; и, наконец, признает его «верхом совершенства». Именно к нему он отсылает своего племянника Тимошу. В начале войны 1812 года генерал-майор Сен-При был назначен на должность начальника Главного штаба 2-й Западной армии, которой командовал еще один старый боевой товарищ Опочинина князь Пётр Багратион, так же неоднократно упоминаемый в романе. И Багратион, и Сен-При в «Свидании с Бонапартом» не скрывают своих теплых чувств к Опочинину-старшему. Багратион гостит в Липеньках сутки и подбадривает приятеля-инвалида, полушутя-полусерьез призывая его вернуться в армию: «Какого командира лишается Россия! Да за тобой будет бегать Филимошка с супчиком и горячим самоваром!.. Ну имей с собой, наконец, воз корпии для примочек!» Сен-При же в письме к Опочинину называет себя его «верным», «любящим товарищем»; признается, что часто его вспоминает, и констатирует, что «отсутствие его в армии очень заметно».

В вымышленном письме Э.Ф. Сен-При к Николаю Опочинину по поводу устройства его племянника Тимофея и в реальном письме Сен-При к Маргарите Волковой (матери Марии Волковой) по поводу устройства ее сына Николая (это письмо опубликовано в общем корпусе переписки Марии Волковой) совпадает очень многое: от даты и места написания (19 августа, Ивашково близ города Гжатска) и отдельных фраз/обращений до общей структуры и объема. И Титуса, и Николая определяют в егерский полк, а половина текста обоих писем почти идентична, только у Окуджавы одно имя (реального офицера) заменено на другое имя (героя его романа).

¹ «Дней прошлых гордые следы». Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812—1813 годы / Составление, подготовка текста, комментарии М.Я. Волковой. — М.: Минувшее, 2012. С. 82.

Здесь автор «Свидания с Бонапартом» следует за Толстым, который в ранних редакциях «Войны и мира» тоже почти дословно воспроизвел фрагменты из переписки Марии Волковой в письмах Марии Болконской к Жюли Карагиной.

В предисловии 1874 года к первой полной публикации писем Марии Волковой в «Вестнике Европы» содержится близкий Окуджаве взгляд на историю и место в ней человека. «И вот мы... дошли до убеждения, что секреты истории лежат в тех личных переменах, какие могли происходить в душе отдельного человека, история эпохи сошла на степень биографии. <...> Мы мало знакомы с состоянием общественной личности у нас в Александровскую эпоху, мы имеем еще слишком немного данных, чтобы вполне живо представить себе, как размышлял тогда отдельный человек, что бы он чувствовал, каковы были его убеждения, страсти — весь этот внутренний быт человека, в его обыденных нравах, когда он думал быть совершенно на свободе, с самим собою, в своем интимном кружке, далеко от официального мира, от всяких наблюдений постороннего глаза»¹. По сути тут поставлена задача очеловечивания истории, которая по-разному была реализована художественными средствами в «Войне и мире» и в «Свидании с Бонапартом», вобравшими в себя многие наблюдения и детали из писем Волковой, хотя и в измененном, переосмысленном виде.

Николай Опочинин называет Варвару Волкову «гвардейцем в юбке, с мужской независимостью суждений в делах отнюдь не дамских», и это отчасти характеризует и Марию Волкову, подробно описывающую в своих письмах новости о движении русской и французской армий, положении командующих и меняющихся общественных настроениях. Разумеется, как и любой прототип, не столько Мария Волкова объясняет художественный образ Варвары Волковой, сколько, наоборот, героиня Окуджавы заставляет по-новому взглянуть на ставший хрестоматийным образ патриотически настроенной великосветской дамы той эпохи. Окуджава намеренно снижает общий пропагандистский пафос рассуждений реальной Волковой и заостряет ее индивидуальные психологические черты.

В душевных метаниях Варвары Волковой развивается перемена, произошедшая в настроениях Марии Волковой в ходе войны 1812 года. М.А. Александрова замечает в своей докторской диссертации: «Варвара Волкова в третьей части романа вспоминает наполеоновское отступление и партизанское преследование как апофеоз военного помешательства. Обессилевшие французы остаются умирать на снегу, и всё же конвоиры продолжают гнать русских пленных, пристреливая упавших; но когда на колонну налетают казаки, свидетель возмездия признаётся: “Радости не было, было одно безумие”. “Умом тронулись” не только пленные, которые после гибели казаков “начали вновь медленно и обречённо сходить к дороге”. Сама Варвара, партизанская “атаманша”, на время поддаётся общему состоянию: “Мне страшно вспомнить себя на том пригорке в наброшенном на плечи овчинном тулупе, в овчинной же мужичьей шапке с синей суконной тульей, окружённую свитой, замершей в обнимку со своими ружьями, и эта снежная сцена, на которую бесшумно валятся один за другим все, все, где убийц убивают и их убийц убивают тоже, а за ними уже спешат новые... И тот, кто крутит это колесо, ввергает их в преступления, связывает их по рукам и ногам, и у них уже нет сил отрешиться... Каков соблазн!”. Очевидно, что к вине Бонапарта проблема не сводится»².

¹ «Дней прошлых гордые следы». Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812—1813 годы / Составление, подготовка текста, комментарии М.Я. Волковой. — М.: Минувшее, 2012. С. 69.

² Александрова М.А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01 / Александрова Мария Александровна; Место защиты: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». — Нижний Новгород, 2021. С. 314.

Все эти сомнения в сжатом виде присутствуют в письмах Марии Волковой, которая начинает повествование о тяготах войны 1812 года с эмоциональных проклятий в адрес Наполеона и экзальтированной возгонки патриотических чувств, а заканчивает выражением ужаса от иррациональности войны, упоминаниями преступлений казаков и сочувствием к пленным французам. В письме от 23 сентября 1812 года к Варваре Ланской она пишет: «Самые многочисленные отряды пленных отправили в Нижний, там их умирает по сотне ежедневно; одетые кое-как, они не выносят нашего климата. Несмотря на все зло, которое они нам сделали, я не могу хладнокровно подумать, что этим несчастным не оказывают никакой помощи, и они умирают на больших дорогах, как бессловесные животные»¹. В другом письме от 28 октября 1812 года Мария Волкова также частично снимает вину с одного Наполеона, переводя причины случившейся войны в метафизическую сферу: «Наполеону мы обязаны тем, что страдаем от того, чем прежде наслаждались. Впрочем, всё, что нам суждено испытать, не от нас зависит, а назначено свыше»².

Весьма любопытны и рассуждения Марии Волковой о распространенных в странах *цивилизованной* Европы обвинениях русского народа в *варварстве*, которые она то с негодованием отвергает, то с горячностью заявляет относительно них: «...Пусть эти дураки называют Россию варварской страной, коль скоро их цивилизация привела их к добровольному подчинению гнуснейшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными Австрия, Пруссия и Франция»³. Окуджава не мог не оценить эту игру слов в рассуждениях о варварах в письмах к Варваре Ланской. Его героиня Варвара Волкова тоже немало рассуждает о варварстве, но, как и в других случаях, ее суждения больше обращены не на публику, а вглубь себя: «Генерал Опочинин лежал у ворот собственной усадьбы, застреленный французским драгуном, и его любовь к Варваре стремительно холодела. “Неужто мы и впрямь варвары? — подумала Варвара, поживаясь. — Что ж мы никак не угомонимся?” Закусив побелевшие губы, запахиваясь в шаль в жаркой избе, она вновь пыталась отыскать виновных, но, как и прежде, их имена и облик были неуловимы... Кто ж виноват во всем? Неужто всего-то эти два негодяя, подбившие других сжечь дом с живыми людьми?.. А может быть, маршал Ней, в чьих жилах крашенная кровь? Или сам Бонапарт, пообещавший спасение от рабства? Или она сама, Варвара, не приученная к состраданию? Или генерал Опочинин, так печально прервавший свое путешествие в поисках истины?.. Да и хватит ли двух склизких камней на двух чужих унылых шеях, чтобы ей уже не беспокоиться о собственном благополучии?..».

В романе «Свидание с Бонапартом» война не только не романтизируется, но от всех ее участников и свидетелей в прямом смысле веет смертельной усталостью и тоской. «Усталыми гениями» называет Бонапарта и его маршалов генерал Опочинин. А вот каким приснился Наполеон певице Луизе Бигар: «Всю ночь я плакала, а когда наконец сон сморил меня, я увидела императора. Он стоял напротив меня спиной к окну в сером сюртуке и лосинах. Восковое лицо его выступало из полумрака, в глазах стояла такая тоска, что я не выдержала и закричала...». Особой «опочининской тоской во взоре» наделен и Тимофей Игнатьев, в финале покончивший с собой. Что же касается императора Александра I, то про него и вовсе говорится, что он «скончался от тоски». Здесь как будто сквозит усталостью самого Окуджавы от любых военных действий и деспотического принуждения к массовому кровопролитию и возгонке ненависти — писатель в юном возрасте сам прошел через Вторую мировую

¹ «Дней прошлых гордые следы». Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812—1813 годы / Составление, подготовка текста, комментарии М.Я. Волковой. — М.: Минувшее, 2012. С. 103.

² Там же, с. 116.

³ Там же, с. 138.

(Великую Отечественную) войну, а свой роман «Свидание с Бонапартом» начал создавать в год начала советского вторжения в Афганистан.

Непременная составляющая наполеоновского мифа — сравнения Наполеона с другими великими историческими деятелями. В романе Окуджавы их тоже немало. Герои то и дело уподобляют Бонапарта Александру Македонскому, Ганнибалу, Юлию Цезарю, Тамерлану. Вокруг каждого из этих историко-культурных сражений за несколько столетий возникла огромная литература, и Окуджава здесь лишь следует давно устоявшейся русской и европейской традиции. Наибольшее значение при этом в «Свидании с Бонапартом» придается переплетению наполеоновской и суворовской легенды. «...Что значит полководческий дар обожаемого генералиссимуса рядом с переворотом, совершенным Бонапартом, по сравнению с новым обществом, с его принципами, нам непонятными? Что значат военные способности, даже гений, умение двигать полки, произносить запоминающиеся сентенции, слыть в обществе чудачком, что это все в сравнении с новым духом, поселившимся среди людей?» — вопрошает героиня.

«Новый дух», сперва привнесенный в европейскую жизнь французской революцией, а затем укрепленный Наполеоном, был проникнут ценностями свободы, равенства и братства. Недаром Арсений Бочкарёв произносит (пусть и шепотом): «Бонапарт уничтожил сословия, и крестьянин, французский крестьянин, который у него в солдатах, рассчитывает на одинаковые с командирами награды, я уж не говорю, что солдат этот сам может стать командиром... Представляете, как он дерётся! Они ведь в большинстве своем французы, замухрышки, но как они дерутся!.. Нашего солдата дома секли, в строю секут... Представляете, какая сила у французского генерала! Наш солдат терпелив... Вот что важно... Суворов, конечно, гений, но одним гением ничего не сделать».

В сравнении Суворова с Наполеоном предпочтение отдается, скорее, последнему. «Старичок водил вас по чужим огородам, и вы почитаете это за патриотизм?» — насмешливо замечает Варвара Волкова генералу Опочинину. А использование грубой военной силы даже в «благих» политических целях представляется героям Окуджавы как минимум проблематичным. Так, читаем о споре Волковой и Свечина:

«Бывало, например, речь заходила о Бонапарте, ну, что-нибудь о его честолюбии, или военных талантах, или еще о чем-нибудь, и затевался легкий спор <...> [Свечин], допустим, говорил, обращаясь не ко мне, а к своему соседу: “Что бы там ни говорили о Бонапарте, а он дал французам порядок, и они за него горой...” Тут я говорила своему соседу: “С помощью пушек можно добиться чего угодно, но насколько это справедливо?..” Свечин отвечал, не глядя на меня: “Пушки, видимо, и существуют для того, чтобы успокаивать ретроградов...” — “Лишать людей силой их привычного уклада, — говорила я соседу, слегка улыбаясь, — это совершать преступление...” — “Если рабство — привычный уклад, — небрежно ронял Свечин, — то это дурная привычка...” И наши соседи поддакивали и мне, и ему, и я думала о том, что свидание наше отдалается».

Нельзя не сказать и о специфическом проявлении наполеонизма в романе. Герои Окуджавы наделены редким в литературе *возвышенным наполеонизмом*, который делает их не мельче, чем они есть на самом деле, но, наоборот, благороднее и чище. К примеру, Варвара Волкова пытается использовать приемы Наполеона в своей жизни следующим образом: «Помнится, тогда мне попала на глаза или услышалась мысль о том, что завоевательные успехи Бонапарта вытекают из простого, им самим установленного правила: не тратить усилий на покорение отдельных крепостей, а добиваться общего разгрома противной стороны, и тогда, мол, оставшиеся крепости падут сами собой... Тогда эта идея, далекая, в общем, от моих собственных интересов, внезапно пронзила меня, когда я попыталась приложить ее к этой житейской ситуации. Ежели в моем завоевании, думала я, этот хмурый господин был крепостью, то что же

тогда была общая победа? Кто был мой главный соперник, покорив которого я могла бы рассчитывать на успех в частном? *Уж не победа ли над собой предназначалась мне сначала? Не возвышение ли над собственным ничтожеством?* Так, значит, стоит мне только осуществить эту главную победу, как самая возжеленная из крепостей падет передо мной? Ах, Господь милосердный, легко ли возвыситься, стоя на коленях? Не успев отвергнуть эту непосильную задачу, я вдруг поняла, что покорение целых стран и народов, эта кровавая игра, и все ее правила, и ее результаты — все это ничто, легкая прогулка рядом с великими тяготами моей войны. Ведь противника покоряют из ненависти к нему и из любви к себе, а *моя же война вся была из любви к нему*, и я не могла причинить ему боли. Так что же труднее?..»

«Свидание с Бонапартом» — это описание глубинных встреч героев с их внутренним скрытым гением и источником власти, который может их как освободить, так и поработить. Всё зависит от их отношения к себе и окружающим: захватнического или жертвенного. На примере царя Филиппа II Македонского Свечин с Варварой приходят к выводу о токсичности ничем не ограниченной власти. «...Кто внушил ему эту губительную страсть подавлять других? И вновь, что самое ужасное, его деяния и гибель были предметом восхищения и подражания, а следовало содрогаться...

— Боюсь, — сказала Варвара учтиво, — что наша цивилизация всего лишь маскировка того же самого, хотя Бонапарт не взял бы в жены дикарку Олимпиаду. — И засмеялась. — Неужели они все страдали одним недугом? <...>

— Получается так, — ответил с недоумением. — И это не дурной характер или что-то в этом роде... Вероятно, то место, на которое они усаживались, было отравлено...»

Диагноз, который Окуджава ставит всемирной истории в целом, на первый взгляд, неутешителен: «Фагот <...> знает, что всё завершается: империи гибнут, благородные порывы угасают, ослепительные надежды превращаются в фарс, великие замыслы — в кучу навоза; от царей остаются гробницы, победителя ждёт возмездие...» Однако если пропустить всю историю через себя, то и внутренний Бонапарт может стать подлинным «великим учителем».